

ПРОБЛЕМАТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИКЕ

Мусиездов Алексей Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Статья посвящена анализу проблематики городской идентичности в классических социологических концепциях (М. Вебер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Р. Парк, Л. Вирт). Автор показывает, что в отличие от М. Вебера, который утверждал, что наличие городского сообщества является необходимым условием существования города как такового, другие авторы говорили о невозможности существования городского сообщества в качестве "морального единства" по причине большой численности, плотности и принципиальной гетерогенности городского населения. По мнению автора, говорить о городской идентичности как результате идентификации с городским сообществом возможно, имея в виду его "воображаемый" характер. Предоставляемые современным обществом возможности для выбора образцов для идентификации заставляют задуматься о том, что представляет собой город в этом качестве. Для ответа на этот вопрос предлагается обратиться к понятию культурной формы (культурного стиля).

Ключевые слова: городская идентичность, городское сообщество, воображаемое сообщество, город.

Статтю присвячено аналізу проблематики міської ідентичності в класичних соціологічних концепціях (М. Вебер, Ф. Тьонніс, Е. Дюркгейм, Г. Зіммель, Р. Парк, Л. Вірт). Автор показує, що на відміну від М. Вебера, який стверджував, що наявність міської спільноти є необхідною умовою існування міста як такого, інші автори заявляють про неможливість існування міської спільноти в якості "моральної єдності" з причини великої чисельності, щільності і принципової гетерогенності міського населення. На думку автора, говорити про міську ідентичність як результаті ідентифікації з міською спільнотою можливо, маючи на увазі її "уявний" характер. Надані сучасним суспільством можливості для вибору зразків для ідентифікації змушують замислитися про те, що являє собою місто в цій якості. Для відповіді на це питання пропонується звернення до поняття культурної форми (культурного стилю).

Ключові слова: міська ідентичність, міська спільнота, уявна спільнота, місто.

The article is devoted to the problems of urban identity in the classical sociological concepts (M. Weber, F. Toennis, E. Durkheim, G. Simmel, R. Park, L. Wirth). The author shows that while M. Weber argued that the presence of the urban community is a necessary condition for the existence of the city itself, the other classics prove the impossibility of existence of the urban community as a "moral unity" because of the large size, high density and fundamental heterogeneity of the urban population. It is claimed that talking about urban identity as a result of identification with the urban community is possible referring to the idea that it is "imaginary". Opportunities for choosing of identification samples provided by modern society force to reflect what the city is in this capacity. In order to answer this question it is suggested to appeal to the concept of cultural forms (cultural style).

Keywords: urban identity, urban community, imaginary community, city.

Если под городской идентичностью понимать результат идентификации с городским сообществом, то очевидным классиком и "основателем" этой темы следует признать М. Вебера. В своей известной работе "Город" [1] он тщательно анализирует различные города, существовавшие на протяжении человеческой истории, и на основании этого анализа формулирует собственное определение города. Для М. Вебера ключевой его характеристикой является наличие городской общины – специфического городского сообщества, отличного от других возможных детерминаций (подданства, профессиональной или сословной принадлежности и т.д.). Без этого признака города не имеют собственной специфики и оказываются всего лишь поселениями, выполняющими определенные экономические, политические, военные и т.д. функции.

М. Вебер пишет: "Как массовое явление, городская община в полном смысле этого слова известна только Западу и лишь отчасти странам Передней Азии (Сирии, Финикии, быть может, Месопотамии), причем там лишь время от времени наблюдались начатки такого развития. Ибо для этого необходимы были поселения, достаточно развитые в торгово-промышленном отношении, обладающие следующими признаками: наличием 1) укрепления, 2) рынка, 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права, 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономией и автокефалией, следовательно, и управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане. В прошлом такие права, как правило, принимали форму сословных привилегий. Поэтому для города в политическом смысле характерно наличие обособленного сословия горожан в качестве обладателей этих привилегий. Полностью "городскими общинами", если исходить из этого критерия, были лишь некоторые города средневекового Запада, в XVIII в. лишь очень незначительная их часть" [1, С. 322-323].

Таким образом, город выступает для М. Вебера союзом горожан, находящихся в одинаковом правовом положении, и составляющим общественную организацию официального характера с особыми органами (то, что называется сейчас "местным самоуправлением"). В основе существования такого союза лежит то, что названо М. Вебером "характером корпоративности" (*Verbandscharakter*), что может быть интерпретировано как понимание горожанами единства городского сообщества, проистекающего из общих условий существования, то есть, в сущности, речь идет о городской идентичности. Однако, кроме М. Вебера, пожалуй, не находится авторов, уделивших достаточно внимания теме городской идентичности. Эта ситуация, как ни парадоксально, может быть объяснена именно тем, что город оказался в центре социологического интереса практически с самых первых шагов социологии как науки. Город явно или неявно всегда понимался как воплощение того общества, становление которого и вызвало к существованию саму социологию. А потому он и не рассматривался как отдельный объект, имеющий собственную специфику по сравнению с обществом, чьим выражением он стал.

Несложно заметить, что в привычных для классических концепций противопоставлениях современного общества традиционному вполне логично читается противопоставление города и городской жизни, с одной стороны, и села и сельской жизни, с другой. Пожалуй, наиболее очевидным образом это выразили Э. Дюркгейм и Ф. Теннис.

Э. Дюркгейм выделял два различных способа социальной связи, характерных для традиционного и современного общества – механическую и органическую солидарность [2]. Механическая солидарность как способ социальной интеграции в традиционном обществе основана на слабом разделении общественного труда. Последнее ведет к унификации способа жизни и образа мыслей и потому – к наличию сильных связей с сообществом, оказывающимся в состоянии навязывать индивиду свою волю посредством "коллективного сознания". В свою очередь, современному обществу присуща органическая солидарность, связанная с сильной профессиональной специализацией, делающей людей все более непохожими друг на друга. Здесь основой социальной интеграции является понимание взаимной функциональной зависимости членов общества. Нетрудно заметить, что для Э. Дюркгейма именно город оказывается воплощением современного общества. При этом он вполне в духе М. Вебера отмечает, что "каждый город вместе с непосредственным окружением составляет группу, внутри которой труд разделен, но которая стремится стать самодостаточной" [2, с. 196]. Однако и самому Э. Дюркгейму было очевидно, что это стремление потребует дополнительных усилий, связанных с распространением представлений о солидарности и взаимной зависимости, и вряд ли явится результатом самоорганизации.

Ф. Теннис противопоставил *Gemeinschaft* как общинный способ жизни, основанный на традициях и межличностных отношениях, и *Gesellschaft* как соответствующий городской современности с ее функциональностью, рациональностью, отчуждением и т.д. Он пишет: "...сельская жизнь характеризуется тем, что *Gemeinschaft* здесь выражен сильнее и более живуч; это устойчивая и естественная форма совместной жизни. ... *Gesellschaft*, наоборот, является изменчивым и искусственным" (цит. по: [3, р. 45]). И далее: "Город типичен для *Gesellschaft* как такового. В сущности, здесь коммерческий город и, соответственно, торговля доминирует над производительным трудом и фабричным городом. Его процветание является капиталистическим, таким, которое умножается посредством торговли, ростовщичества или использования промышленного капитала. Капитал является средством для присвоения продуктов труда или эксплуатации рабочих. Город также является центром науки и культуры, которые всегда идут рука об руку с торговлей и производством. Здесь можно зарабатывать на жизнь искусством, которое эксплуатируется капиталистическим способом. Мысли распространяются и меняются здесь с удивительной быстротой" (цит. по: [3, р. 45])

Вполне в духе своего времени Ф. Теннис утверждает, что различие между городом и сельской местностью состоит в способе, который собирает и удерживает людей вместе. В сельской местности действия индивидов обуславливаются волей и духом целого – семьи и сообщества, с которым индивид

связан и которое будет ощущать последствия его действий. В городе же действия обуславливаются лишь калькулируемой обменной ценностью. *Gesselleschaft* создает видимость мирного сосуществования многих людей, но в действительности имеем изоляцию и условия для взаимной напряженности.

Таким образом, в приведенных концепциях обнаруживается не только сам факт понимания современного общества как городского и наоборот, но и ключевая его характеристика – отчуждение людей друг от друга. Так, например, в своей работе "Положение рабочего класса в Англии" Ф. Энгельс пишет: "И хотя мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, всё же нигде эти черты не выступают так обнажённо и нагло, так самоуверенно, как именно здесь, в сутолоке большого города. Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея" [4]. И в этой своей сущности отдельный город подобен любому другому: "Всё, что можно сказать о Лондоне, применимо также к Манчестеру, Бирмингему и Лидсу, ко всем большим городам. Везде варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и неопикуемая нищета — с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабёж под охраной закона, и всё это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общественного строя, которые выступают здесь столь обнажённо, и уже ничему не удивляешься, разве только тому, что в этом безумном круговороте всё до сих пор ещё не разлетелось прахом" [4]. Неудивительно, что при такой интерпретации сложно говорить о каком бы то ни было единстве городского сообщества, о какой бы то ни было общей идентичности. Для нас же важно еще раз подчеркнуть тот факт, что в классических концепциях городская жизнь, с одной стороны, и жизнь современного капиталистического общества, с другой, фактически отождествляются – различие лишь в степени выраженности социальных явлений. При такой интерпретации специфика города и городского сообщества попросту выпадает из поля зрения, а решение вопросов, связанных с интеграцией людей и сообществ, отводятся общей теории общества.

Однако, как известно, исследования города получили в социологии свое весьма широкое распространение. В некотором смысле отправным пунктом здесь стоит считать эссе Г. Зиммеля 1903 года "Большие города и духовная жизнь" [5], которое имеет смысл анализировать в более широком контексте творчества автора.

Для социологии вообще, как и для Г. Зиммеля, в частности, принципиальной является идея о том, что и человек, и сообщества являются продуктами определенных социальных условий, среды: "Всюду, где идет речь о внутреннем содержании результатов специфической современной жизни, где, так сказать, тело культуры спрашивают о своей душе, – каковой вопрос нас сейчас занимает по отношению к большим городам, – всюду ответ нужно искать в том уравнении, которое составляет между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни, – в приспособляемости личности, благодаря которой он уживается с внешними силами" [5, с. 1]. Соответственно, общая среда обитания горожанина должна была бы продуцировать некий тип городского жителя – более или менее унифицированного человека, а потому проблемы существования городского сообщества и городской идентичности не должно было бы возникать. Однако, здесь принципиальным становится вопрос о характеристиках этой самой среды.

В этом контексте уместно вспомнить идею Г. Зиммеля о том, что "жизнь" (понимаемая как некое стихийное по сути своей начало) постоянно кристаллизуется в некоторых "формах" – культурных образцах, отличающихся относительной стабильностью и устойчивостью, но тем самым и становящихся препятствием для дальнейшего развития "жизни" (см.: [6]). Соответственно, "город" представляет собой определенную "форму", в которой воплотилась "жизнь" на определенном этапе своего развития. Однако, как и всякие формы, "город" со временем вырабатывает собственную логику существования. В частности, если городская жизнь изначально представляет собой человеческое объединение, форму социальных связей, то в дальнейшем она, согласно Г. Зиммелю, характеризуется стремлением к освобождению индивида от диктата общества. Так, в самом начале "Больших городов..." он пишет: "Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни. Это – последняя из выпавших на нашу долю форм борьбы с природой, борьбы, которую первобытный человек ведет за свое физическое существование. Сколько бы XVIII столетие ни призывало к освобождению от всех исторически сложившихся пут в области государства и религии, морали и хозяйственной жизни, для того, чтобы дать беспрепятственно развиваться людской природе, признанной для всех людей равной и по существу благой; сколько бы XIX век ни требовал, наряду с чистой свободой, обусловленной разделением труда, специализации человека, специализации, которая делает отдельного человека до известной степени необходимым и незаменимым, но вместе с тем и более зависимым от дополнения его другими людьми; сколько бы ни говорил Ницше о самой беспощадной борьбе между

личностями, а социализм, наоборот, – о полном устранении всякой конкуренции как об условии полного развития индивидуума – во всем этом слышится один основной мотив: возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом" [5, с.1].

Причиной указанного стремления к индивидуализации является капитализм с его рациональностью и гомогенизирующей ролью денег (см. [7]): "Деньги решительно отбрасывают ядро вещей, их своеобразность, их специфическую ценность, их несравнимые особенности. В вечно движущемся денежном потоке все вещи и ценности плавают с равным удельным весом, все они находятся на одной плоскости и отличаются лишь величиной занятого на последней пространства" [5, с. 5-6]. Такие условия делают очевидным обесценивание человека, а потому поощряют желание создать и сохранить собственную уникальность. Тем самым современный городской мир разрушает коллективы и, как и утверждал М. Вебер, нивелирует этнические, классовые, профессиональные и т.д. определения и самоопределения. В то же время, согласно Г. Зиммелю, горожанин взамен утраченного не находит пристанища в новом сообществе – человек остается в своей столь желанной непохожести один на один с окружающим миром¹. Спецификой городского человека оказывается некоторая асоциальность, проявляемая в видимом безразличии к окружающим, душевной черствости, отстраненности и дистанцированности, поверхностности и принципиальной формальности, частичности взаимодействий и т.д.: "внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью" [5, с. 6]; "нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие" [5, с. 5]. Здесь человек человеку оказывается "чужаком" (см. [8]): если исторически чужаками были торговцы, не включенные в местные социальные сообщества, то в условиях города таковыми выступают практически все, с кем приходится встречаться и/или взаимодействовать.

В чем причина подобного отчуждения? В данном случае отчужденность людей друг от друга оказывается результатом перенасыщенности городской жизни внешними стимулами. В силу того, что в городе на относительно небольшом пространстве сосредоточено множество людей, в силу большой информационной и событийной насыщенности жизни в городе и т.д. человеку необходимо выстраивать перед собой определенные эмоциональные барьеры, которые позволяли бы ему справляться с этой перегруженностью внешними стимулами: "Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, — это *повышенная нервность жизни*, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений" [5, с.1]. Отмечаемое "бесчувственное равнодушие" "...является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно связаных раздражений нервов, которые, по нашему мнению, приводят в больших городах к развитию интеллектуальности... Подобно тому, как неумеренные наслаждения вызывают в человеке атрофию чувств, так как они до тех пор вызывают сильнейшие реакции со стороны нервной системы, пока она не перестает, наконец, реагировать окончательно, – подобно этому и более скудные впечатления требуют от нервной системы, благодаря скорости и противоположности своей смены, настолько сильного реагирования, так стремительно треплют ее, что она должна отдать на это последний запас сил и не имеет возможности, оставаясь в той же среде, собрать новые. Возникающая таким образом неспособность реагировать на новые раздражения со свойственной нервам энергией и есть та разочарованность, которую обнаруживает, собственно говоря, каждый ребенок в большом городе при сравнении с детьми более спокойной и менее разнообразной среды" [5, с. 5].

Однако, если город и городская среда разрушает коллективы, то что же приобретает взамен, кроме "нервности жизни", имеющей следствием неспособность эмоционального погружения в окружающие события и выражающейся в бесчувственном равнодушии горожанина? Это свобода, обусловленная все теми же частичностью, функциональностью и анонимностью взаимодействий и, соответственно, существенно меньшим сравнительно с малыми городами уровнем социального контроля. Свобода реализовывать собственную индивидуальность – едва ли не главное, согласно Г. Зиммелю, стремление современного человека: "Подобно тому, как в пору феодализма "свободным" считался тот, кто подчинялся общегражданскому праву, т. е. праву больших социальных групп, а несвободным – тот, чьим правом были исключительно законы узкой феодальной группы, – подобно этому и сейчас житель большого города "свободен" (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города" [5, с. 8]. Как пишет Елена Трубина, "только не будучи членом тесно сплоченной социальной сети, а потому связанным по рукам и ногам обязательствами и нормами, может индивид обрести свободу для того, чтобы стать непохожим на других

¹ "Отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его душевной жизни ощущением благополучия" [5, с. 9].

(и эту непохожесть затем тоже с выгодой для себя использовать). Практики городской жизни разобщают, но в ходе включенности в них появляется гибкость восприятия, формируется габитус изобретательного городского индивидуалиста" [9, с. 51].

Таким образом, город для Г. Зиммеля представляет собой определенную форму социальных связей, которая характеризуется высокой интенсивностью взаимодействий, информационных потоков и иных, воздействующих на человека стимулов. Перегруженность этими стимулами приводит к повышению "порога чувствительности" горожанина, что проявляется в замкнутости, обособленности, "бесчувственном равнодушии". С другой стороны, рациональность и обезличенность современного общества вызывает стремление к индивидуализации, для чего город в силу меньшей степени социального контроля предоставляет наилучшие условия. Все это говорит в пользу крайне сомнительной возможности утверждать наличие городского сообщества, понимаемого в качестве некоторого единства, могущего выступать объектом идентификации. Другими словами, если, согласно М. Веберу, город создает городское сообщество и только в этом случае может называться городом, то, по Г. Зиммелю, город продуцирует индивидуалиста, свободного от групповых требований и определений, но никак не сообщество.

Как известно, в социологии продолжение получила зиммелевская интерпретация города, что хорошо видно в деятельности Чикагской социологической школы. Ее представители также исходили из трактовки города как воплощения современного общества. Если другие классики говорили об обществе в целом, понимая городскую жизнь как его частный случай, не заслуживающий специального внимания, то чикагцы именно город поставили в центр исследовательского фокуса, что можно было бы обозначить как различие дедуктивной и индуктивной логик. Так, в своей известной работе "Город как социологическая лаборатория" Р. Парк пишет: "Город всегда описывали как естественное обиталище цивилизованного человека. Именно в городе человек создал философию и науку и стал не просто рациональным, но утонченным животным. Это, стало быть, означает, что именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей. <...> Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это и привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества" [10].

В общем и целом Р. Парк и его коллеги повторяют зиммелевскую интерпретацию городской жизни: вынужденность сосуществования больших масс людей на ограниченной территории порождает эмоциональные перегрузки, и человек в качестве своеобразной психологической защиты научается быть менее вовлеченным в окружающую действительность, что воспринимается как недружелюбность, отчужденность, безразличие, индивидуализм и т.д. Так, Р. Парк писал: "В городе, где обычай вытеснен общественным мнением и позитивным законом, человек вынужден жить, скорее, своим умом, нежели инстинктом или подчиняясь традиции. В результате появился человек индивидуальный – индивид – мыслящий и действующий. Крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно, освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины. Он теперь сам по себе. Случай с крестьянином является типичным. Каждый человек в городе в той или иной степени – сам по себе" [10].

Соответственно, город оказывается "по определению" разнородным по составу жителей, "сущностный" индивидуализм которых препятствует тому, чтобы городское сообщество могло рассматриваться в качестве некоторого единства. Город можно и нужно рассматривать как средоточие различных сообществ, ведущих друг с другом борьбу за выживание, за собственную "нишу" в городской среде и городской жизни и т.д. – идея, известная под названием "экологического подхода" в социологии города. Именно таким исследованиям и посвящены работы представителей чикагской школы – гетто, трущобы, меньшинства и проч. Указанные сообщества являются объединениями, могущими быть построенными, как минимум, на двух основаниях. Во-первых, на основании принадлежности к этническим группам, выступающих, в сущности, средством адаптации "новых горожан" к условиям промышленного города. Во-вторых, на основании общих интересов.

Подытоживая наработки своих коллег, в работе 1938 года "Урбанизм как образ жизни" [11] Луис Вирт говорит о трех принципиальных для города и городской жизни факторах – численности населения, его плотности и гетерогенности. Их сочетание способствует тому, что в городе идет острейшая борьба за пространство, а различные части города оказываются наделены специфическими функциями. Поэтому город напоминает мозаику социальных миров и "не существует группы, имеющей неразделенную лояльность индивидуума" [11]. Не является такой группой и городское сообщество, поскольку не представляет собой единства. Л. Вирт пишет: "На фоне исчезновения территориальных единиц как основы социальной солидарности мы создаем единицы (объединения) по интересам. Тем временем город как

община распадается на серию тонких сегментных связей, накладываемых на территориальную основу с определенным центром, но без определенной периферии, и системой разделения труда, которая значительно превосходит границы ближайшей местности и по своему масштабу является всемирной" [11].

Таким образом, анализ социологической классики показал, что лишь М. Вебер говорил о существовании городского сообщества как некоторого единства, могущего быть объектом для идентификации. Остальные же авторы, так или иначе, настаивают на принципиальной невозможности существования такого феномена, как городская идентичность, понимаемого как ощущение принадлежности к городскому сообществу в силу отсутствия самого этого сообщества. Или, говоря словами Л. Вирта, "отсутствие общей традиции и общего опыта делают невозможной и общую идентичность" (цит. по: [3, p. 56]).

* * *

Идеи Л. Вирта об отсутствии общей традиции и общего опыта лишь подтверждаются состоянием современного нам общества, в котором развитие информационных и коммуникационных технологий не столько служат сближению людей, сколько способствуют герметизации групп и сообществ. Это происходит за счет расширения возможностей выстраивания более тесных контактов с единомышленниками, с одной стороны, и ограничения взаимодействий с теми, кто привносит альтернативный опыт, с другой. Тем не менее, исследования показывают, что люди достаточно хорошо ощущают свою специфику как жителей того или иного города, которая может проявляться в самых различных вещах – от местного говора и манеры одеваться до форм социальной активности и способа вождения автомобиля [12]. Разумеется, не менее явными оказываются и отличия между горожанами и жителями сельской местности. Другими словами, городская идентичность как ощущение себя жителем города вообще и/или определенного города, в частности, существует и может быть выражена на разных уровнях – от "практического чувства" (П. Бурдьё) до выстраивания развернутых нарративов, рефлексизирующих и легитимизирующих значение городской принадлежности.

Теоретическое противоречие, зафиксированное нами в позициях М. Вебера, с одной стороны, и Г. Зиммеля и его последователей, с другой, на наш взгляд, может быть решено с привлечением концепций, описывающих идентичность и идентификацию в современном мире (Р. Баумайстер, Э. Гидденс, М. Кастельс, А. Ройс, Н. Элиас, З. Бауман, С. Холл, Х. Баба и др.)². Современные трактовки идентичности позволяют интерпретировать ее не только и не столько в терминах принадлежности к группе (под которой обычно понимается некий аналог первичной группы, характеризующийся непосредственными взаимодействиями ее членов), сколько утверждают ее конструируемость, виртуальность, воображаемость и т.д. Так, например, Б. Андерсон пишет: "Любая общность, большая, чем первобытное поселение с непосредственными контактами между жителями (хотя, возможно, и она), является воображенной. Общности нужно различать не по их реальности или нереальности, а по манере воображения" [17, с. 23]. Соответственно, городская идентичность будет представлять собой результат идентификации с воображаемым сообществом [18]. Соответственно, если согласиться с положением о том, что идентичность в современном мире во многом становится предметом более или менее осознанного выбора и персонального проекта по ее конструированию³, то главный вопрос будет состоять в том, какими характеристиками должно/может обладать то воображаемое сообщество, с которым будет желательно идентифицировать себя. В случае городской идентичности – что может "предложить" город как объект для идентификации (оговоримся, что функциональную составляющую – обеспеченность ресурсами, комфорт и т.п. – мы пока оставим за скобками).

Учитывая то, что в современном обществе связь социальных групп и общностей с территорией оказывается проблематизированной, с одной стороны, а идентификации в значительной степени оказываются основанными на стилистических сходствах, с другой (З. Бауман) [16], город как воображаемое сообщество, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать не столько как территориальное образование (предполагающее, в свою очередь, соседство), сколько как то, что может быть названо "культурной формой" ("жизненной формой", "жизненным стилем")⁴. Последняя имеет достаточно узнаваемые стилистические черты, формируемые и воспроизводящиеся, в частности, в современной индустрии потребления под названием "*urban style*".

В основе культурной формы, так или иначе, лежат некоторые ценности и значения, к которым апеллируют ее внешние атрибуты. Так, еще Ф. Теннис, Г. Зиммель, Р. Парк, как мы видели, обращали внимание на то, что город формирует индивидуалиста, человека могущего и умеющего извлекать

² См., например: [13-16].

³ Хотя, разумеется, такая трактовка никак не может считаться исчерпывающей современные процессы идентификации.

⁴ См., например: [19].

преимущества из даруемой городом свободы. Один из классиков урбанизма Льюис Мамфорд в работе "Что такое город?" [20] пишет, что город представляет собой совокупность групп людей, преследующих собственные цели. В этом смысле город, конечно, выступает в качестве символа рациональности эпохи, которую в этом качестве характеризовали исследователи от классиков социологии до представителей постмодернизма, всего лишь инструментом для достижения собственных, частных целей, чем-то, принципиально лишенным сакральности. Однако в то же время город оказывается еще и условием, площадкой, носителем возможностей для достижения этих целей – ценным в качестве того, без чего данные цели вообще не могли бы быть достигнуты (а, возможно, и поставлены).

Другими словами, гетерогенность городского сообщества не становится преградой для формирования городской идентичности. Последняя формируется, в числе прочего, на основе ощущения принадлежности к городу как средоточию, воплощению и символу (в первую очередь) ценностей свободы, индивидуализма, рациональности – и тем самым достижений, успеха, мобильности, современности и т.д. Сама гетерогенность городского сообщества понимается не столько как препятствие, но как важный фактор достижения желаемого: неслучайно урбанистика конца XX – начала XXI века во многом акцентирует свое внимание на креативности городской среды и предоставляемых ею возможностях для сосуществования самых разнообразных занятий.

Литература:

1. Вебер М. Город / М. Вебер // Вебер. – М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 309-446.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991.
3. Flanagan W.G. Urban Sociology: Images and Structure / W.G. Flanagan. – Allyn and Bacon, 1999.
4. Энгельс Ф. Большие города / Ф. Энгельс // Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=202>
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // ЛОГОС. – 2002. - № 3 (34). – С. 1-12.
6. Зиммель Г. Как возможно общество / Г. Зиммель [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/06.php
7. Зиммель Г. Философия денег / Г. Зиммель [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.srines.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html
8. Зиммель Г. Чужак / Г. Зиммель // Социологическая теория: история, современность, перспективы / Под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – С. 237-271.
9. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. / Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 520 с.
10. Парк Р. Город как социальная лаборатория / Р. Парк [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=50>
11. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=99>
12. Мусиездов А. Идентичность города: Образ Харькова в представлениях харьковчан / А. Мусиездов // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна "Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи". – 2009. - № 881. - С. 154 – 159.
13. Baumeister R. Identity. Cultural Change and Struggle for Self. N. Y., Oxford, 1986
14. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford 1991
15. Castells M. The Power of Identity. Malden, MA: Blackwell. 1997
16. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. Пер. с англ. под ред В. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. "Свободная мысль". – Москва: Логос, 2002. – 390 с.
17. Андерсон Б. Уявлені спільноти / Б. Андерсон – К. : Критика, 2001. – 272 с.
18. Мусієздов О. Місто як уявлена спільнота / О. Мусієздов // Вісник Львівського університету. – Серія соціологічна. - 2010. - Вип.4. - С. 178-182.
19. Ионин Л. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
20. Mumford L. What is The City? / L. Mumford // LeGates R., Stout F. The City Reader. – London: Routledge, 1996. – Pp. 92-96.